

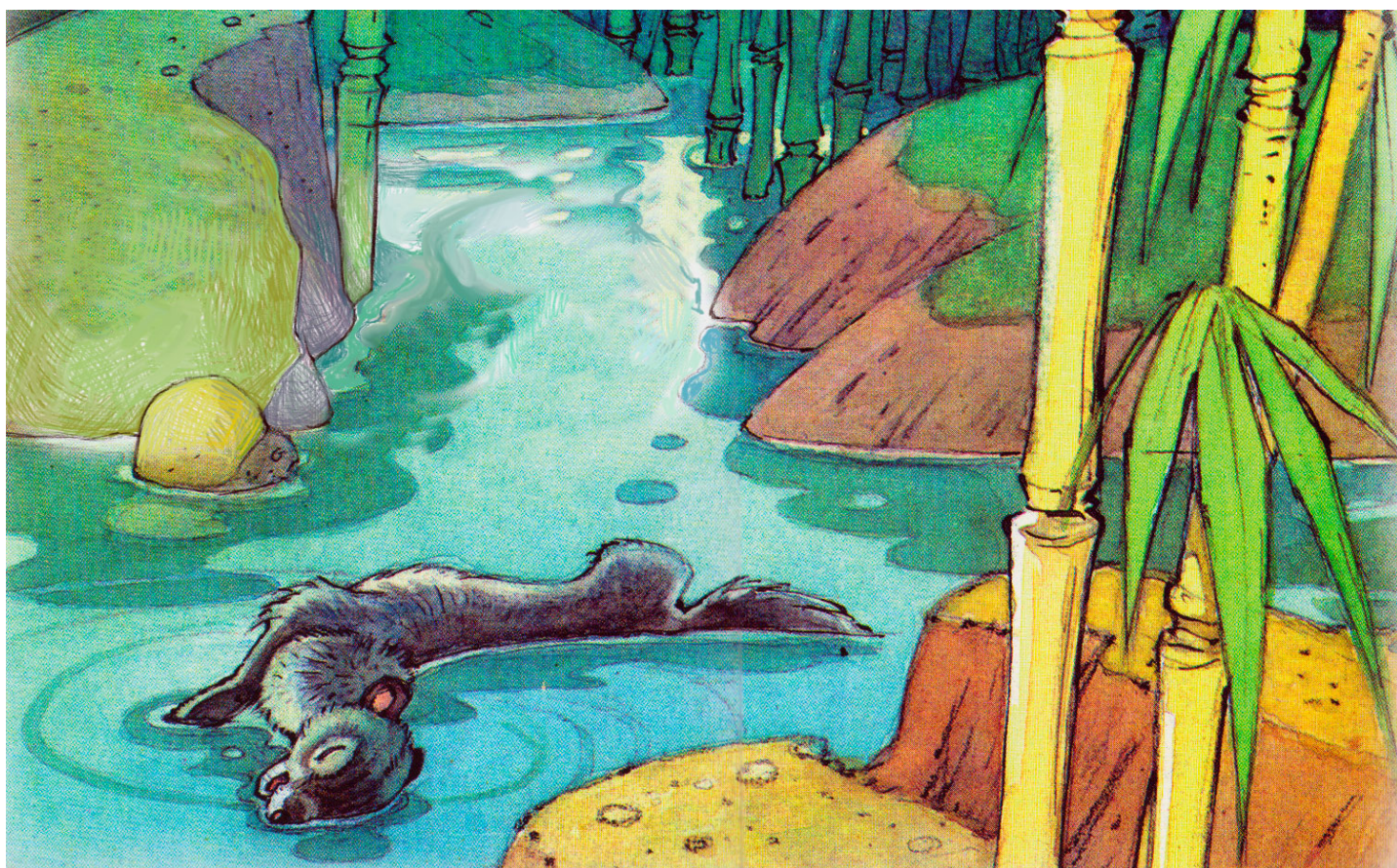


Сказка Рикки Тикки Тави

Это рассказ о великой войне, которую Рикки-Тикки-Тави вёл в одиночку в ванной комнате просторного бунгало в Сеговийском военном поселении. Дарси, птица-портной, помогал ему, Чучундра, мускусная крыса, которая никогда не выходит на середину комнаты и всегда крадётся по стенам, дала ему совет; тем не менее по-настоящему сражался один Рикки-Тикки.

Он был мангус (Мангус – местное название мангусты, или ихневмона. – Прим. пер.), мехом и хвостом он походил на кошечку, но его голова и нрав напоминали ласку. Его глаза и кончик беспокойного носа были розовые; любой лапкой, передней или задней, он мог почёсывать себя везде, где угодно; мог распушить свой хвост, делая его похожим на щётку для ламповых стёкол, а когда он нёсся через высокую траву, его боевой клич был: рикк-тикк-тикки-тикки-тчк.

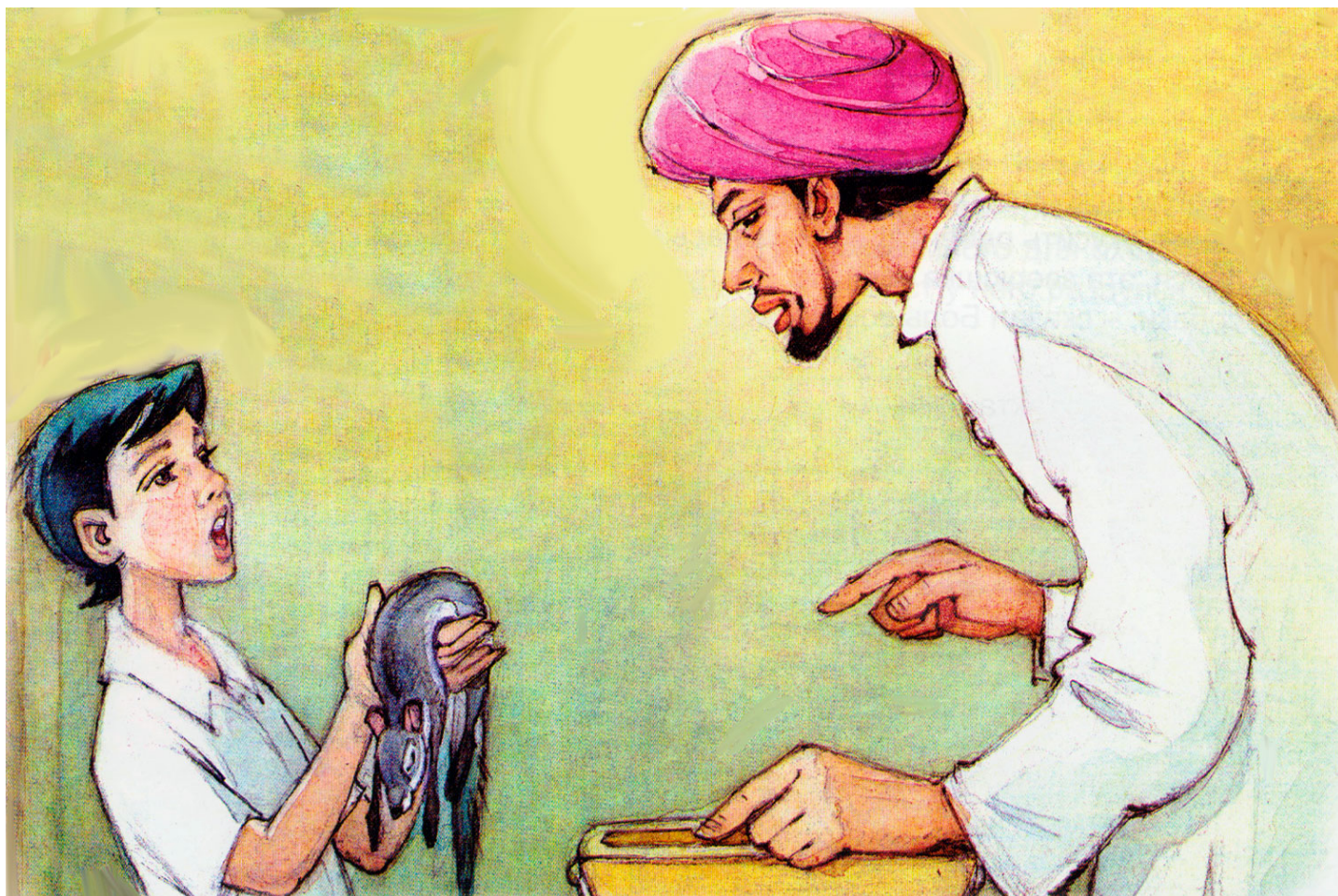
Однажды в середине лета ливень вымыл его из норы, в которой он жил со своими отцом и матерью, и унёс барахтающегося и цокающего зверька в придорожную канаву. Рикки-Тикки увидел там плывущий комок травы, изо всех сил ухватился за него и наконец потерял сознание.



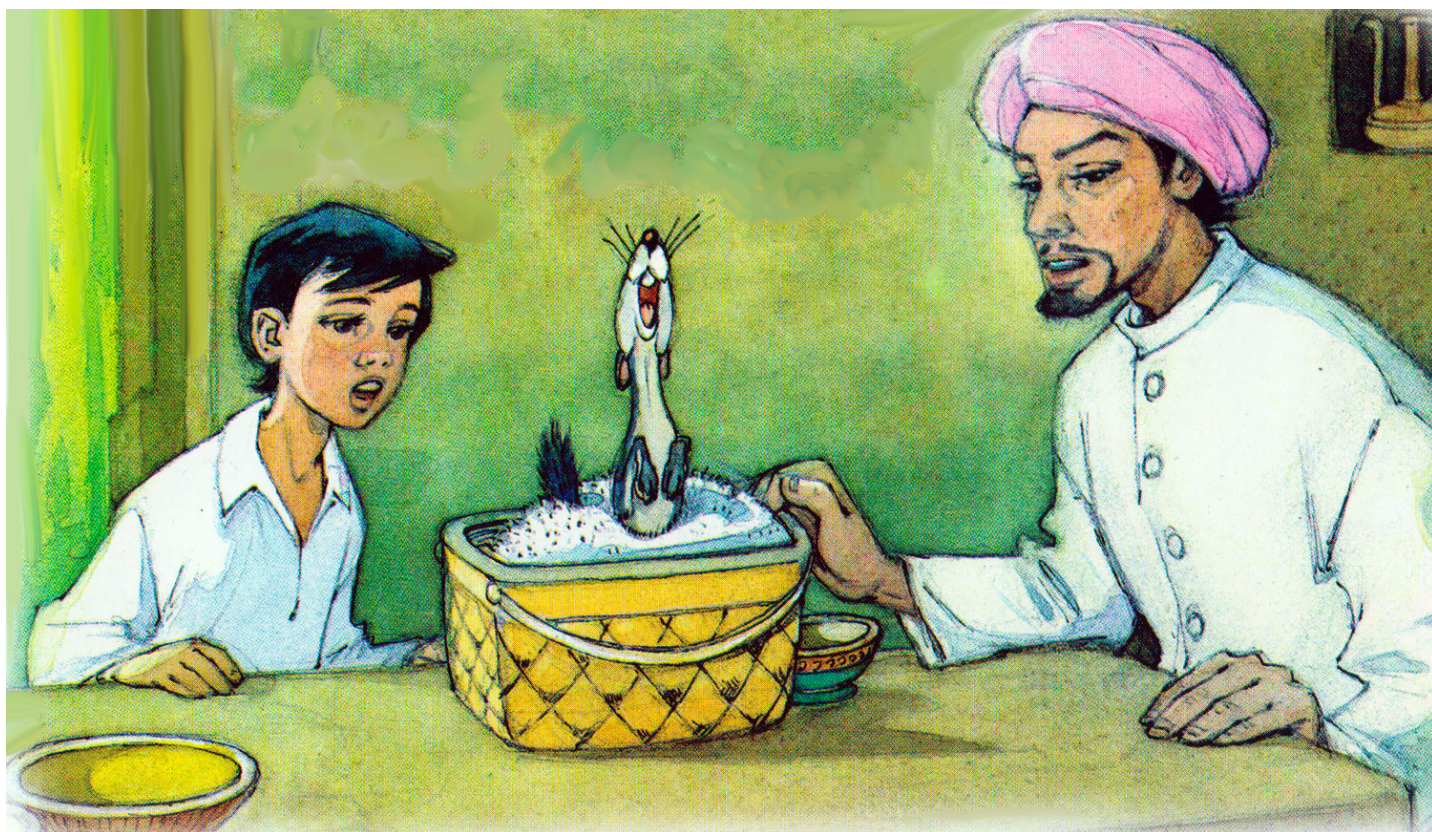
Когда зверёк очнулся, он, сильно промокший, лежал на середине садовой дорожки под знойными лучами солнца; над ним стоял маленький мальчик и говорил:

– Вот мёртвый мангус. Устроим ему похороны.

– Нет, – ответила мать мальчика. – Унесём зверька к нам домой и обсушим его. Может быть, он ещё жив.



Они внесли его в дом; очень высокий человек взял Рикки-Тикки двумя пальцами и сказал, что зверёк не умер, а только почти задохнулся; Рикки-Тикки завернули в вату и согрели; он открыл глаза и чихнул.



– Теперь, – сказал высокий человек (это был англичанин, который только что поселился в бунгало), – не пугайте его и посмотрим, что он станет делать.

Труднее всего в мире испугать мангуса, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангусов «Беги и узнай», а Рикки-Тикки был истинным мангусом. Он посмотрел на вату, решил, что она не годится для еды, оббежал вокруг стола, сел и привёл в порядок свою шёрстку, почесался и вскочил на плечо мальчика.

– Не бойся, Тэдди, – сказал мальчику отец. – Так он знакомится с тобой.

– Ох, щекотно; он забрался под подбородок.

Рикки-Тикки заглянул в пространство между воротником Тэдди и его шеей, понюхал его ухо, наконец, сполз на пол, сел и почесал себе нос.

– Боже милостивый, – сказала мать Тэдди, – и это дикое создание! Я думаю, он такой ручной, потому что мы были добры к нему.

– Все мангусы такие, – ответил ей муж. – Если Тэдди не станет дёргать его за хвост, не посадит в клетку, он будет целый день то выбегать из дому, то возвращаться. Покормим его чем-нибудь.

Зверьку дали кусочек сырого мяса. Оно понравилось Рикки-Тикки; поев, мангус выбежал на веранду, сел на солнце и поднял свою шерсть, чтобы высушить её до самых корней. И почувствовал себя лучше.

– В этом доме я скоро узнаю гораздо больше, – сказал он себе, – чем все мои родные могли бы узнать за целую жизнь. Конечно, я останусь здесь и всё рассмотрю.

Он целый день бегал по дому; чуть не утонул в ванной; засунул носик в чернильницу на письменном столе; обжёг его о конец сигары англичанина, когда взобрался на его колени, чтобы посмотреть, как люди пишут. Когда наступил вечер, мангус забежал в детскую Тэдди, чтобы видеть, как зажигают керосиновые лампы; когда же Тэдди лёг в постель, Рикки-Тикки влез за ним и оказался беспокойным товарищем: он ежеминутно вскакивал, прислушивался к каждому шороху и отправлялся узнать, в чём дело. Отец и мать Тэдди пришли в детскую посмотреть на своего мальчика; Рикки-Тикки не спал; он сидел на подушке.

– Это мне не нравится, – сказала мать мальчика, – он может укусить Тэдди.

– Мангус не сделает ничего подобного, – возразил её муж. – Близ этого маленького зверька Тэдди в большей безопасности, чем был бы под охраной негрской собаки. Если бы в детскую теперь заползла змея...

Но мать Тэдди не хотела и думать о таких ужасных вещах.

Рано утром Рикки-Тикки явился на веранду к первому завтраку, сидя на плече Тэдди. Ему дали банан и кусочек варёного яйца. Он посидел поочерёдно на коленях у каждого, потому что всякий хорошо воспитанный мангус надеется, со временем, сделаться домашним животным и бегать по всем комнатам; а мать Рикки-Тикки (она жила в доме генерала в Сеговли) старательно объяснила ему, как он должен поступать при встрече с белыми.



После завтрака Рикки-Тикки вышел в сад, чтобы хорошенько осмотреть его. Это был большой, только наполовину возделанный сад, с кустами роз Марешаль Ниель, такой высоты, какой они достигают только в оранжереях, с лимонными и апельсиновыми деревьями, с зарослями бамбука и чащами густой, высокой травы. Рикки-Тикки облизнул губы.

– Какой превосходный участок для охоты, – сказал он; от удовольствия его хвост распушился, как щётка для ламповых стёкол, и он стал шнырять назад и вперёд по саду, нюхая там и сям, и, наконец, среди ветвей терновника услышал очень печальные голоса.

Там сидели Дарси, птица-портной, и его жена. Соединив два листа и сшив их краешки листовыми фибрами, они наполнили пустое пространство между ними ватой и пухом, таким образом устроив прекрасное гнездо. Гнездо покачивалось; птицы сидели на его краю и плакали.



– В чём дело? – спросил Рикки-Тикки.

– Мы очень несчастны, – сказал Дарси. – Один из наших птенцов вчера выпал из гнёзда, и Наг съел его.

– Гм, – сказал Рикки-Тикки, – это очень печально, но я здесь недавно. Кто это Наг?

Дарси и его жена вместо ответа притаились в своём гнезде, потому что из-под куста донеслось тихое шипение – ужасный холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить на два фута назад. И вот из травы, дюйм за дюймом, показалась голова, а потом и раздутая шея Нага, большой чёрной кобры, имевшей пять футов длины от языка до хвоста. Когда Наг поднял треть своего тела, он остановился, покачиваясь взад и вперёд, точно колеблемый ветром куст одуванчиков, и посмотрел на Рикки-Тикки злыми змеиными глазами, никогда не изменяющими выражения, о чём бы ни думала змея.



– Кто Наг? – сказал он. – Я – Наг! Великий бог Брами наложил на весь наш род свой знак, когда первая кобра раздула свою шею, чтобы охранять сон божества. Смотри и бойся!

Наг ещё больше раздул свою шею, и Рикки-Тикки увидел на ней знак, который так походил на очки и их оправу. На минуту он испугался; но мангус не может бояться долго; кроме того, хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, его мать приносила ему для еды кобр мёртвых, и он отлично знал, что жизненная задача взрослого мангуса – сражаться со змеями и поедать их. Наг тоже знал это, и в глубине его холодного сердца шевелился страх.

– Хорошо, – сказал Рикки-Тикки, и шерсть его хвоста начала подниматься, – всё равно; есть на тебе знаки или нет, ты не имеешь права есть птенчиков, выпавших из гнёзда.

Наг думал; в то же время он наблюдал за лёгким движением в траве позади Рикки-Тикки. Он знал, что раз в саду поселятся мангусы, это, рано или поздно, повлечёт за собой его смерть и гибель его семьи, и ему хотелось заставить Рикки-Тикки успокоиться. Поэтому он немного опустил голову и наклонил её на одну сторону.

– Поговорим, – сказал Наг, – ты же ешь яйца. Почему бы мне не есть птиц?

– Позади тебя! Оглянись! – пропел Дарси.

Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам. Он подскочил как можно выше, и как раз под ним со свистом промелькнула голова Нагены, злой жены Нага. Пока он разговаривал с Нагом, вторая кобра подкрадывалась к нему сзади, чтобы покончить с ним; теперь, когда её удар пропал даром, Рикки-Тикки услышал злобное шипение. Он опустился на лапки почти поперёк спины Нагены и, будь Рикки-Тикки старым мангусом, он понял бы, что ему следует, куснув её один раз, сломать ей спину; но он боялся страшного поворота головы кобры. Конечно, Рикки кусал змею, но недостаточно сильно, недостаточно долго и отскочил от её хлеставшего хвоста, бросив раненую и рассерженную Нагену.

– Злой, злой Дарси, – сказал Наг, поднимаясь насколько мог в направлении к гнезду на кусте терновника; но Дарси так устроил своё жилище, что оно было недоступно для змей и только слегка покачивалось.

Глаза Рикки-Тикки покраснели, и к ним прилила кровь; (когда глаза мангуса краснеют, это значит, что он сердится); зверёк сел на свой хвост и задние лапки, как маленький кенгуру, огляделся кругом и зацокал от бешенства. Наг и Нагена исчезли в траве. Если змее не удаётся нападение, она ничего не говорит и ничем не показывает, что собирается сделать дальше. Рикки-Тикки не стал отыскивать кобр; он не был уверен, удастся ли ему справиться сразу с двумя змеями. Поэтому мангус пробежал на усыпанную дорожку подле дома, сел и стал думать. Ему предстояло важное дело.

В старинных книгах по естественной истории вы прочитаете, что укушенный змеей мангус прекращает борьбу, отбегает подальше и съедает какую-то травку, которая исцеляет его. Это неправда. Мангус одерживает победу только благодаря быстроте своего взгляда и ног; удары змеи состязаются с прыжками мангуса, а так как никакое зрение не в силах уследить за движением головы нападающей змеи, победу зверька можно считать удивительнее всяких волшебных трав. Рикки-Тикки знал,

что он молодой мангус, а потому тем сильнее радовался при мысли о своём спасении от удара, направленного сзади. Всё случившееся внушило ему самоуверенность, и когда на дорожке показался бегущий Тэдди, Рикки-Тикки был не прочь, чтобы он его приласкал.

Как раз в ту секунду, когда Тэдди наклонился к нему, что-то слегка зашевелилось в пыли, и тонкий голос сказал:

– Осторожнее. Я смерть!

Это была карэт, коричневатая змейка, которая любит лежать в пыли. Её укус так же опасен, как укус кобры. Но коричневая змейка так мала, что никто о ней не думает, и потому она приносит людям особенно много вреда.

Глаза Рикки-Тикки снова покраснели, и он подскочил к карэт тем особенным покачивающимся движением, которое унаследовал от своих родичей. Это смешная походка, но благодаря ей зверёк остаётся в таком совершённом равновесии, что может кинуться на врага под каким ему угодно углом, а когда дело идёт о змеях, – это великое преимущество. Рикки-Тикки не знал, что он решился на более опасную вещь, чем бой с Нагом! Ведь карэт так мала и может поворачиваться так быстро, что если бы Рикки-Тикки не схватил её подле затылка, она опрокинулась бы и укусила его в глаз или губу. Но Рикки этого не знал; его глаза горели, и он прыгал взад и вперёд, отыскивая, где бы лучше захватить карэт. Карэт кинулась. Рикки прыгнул в сторону на всех четырёх лапках и попытался кинуться на неё, но маленькая злобная пыльно-серая голова промелькнула близ самого его плеча; ему пришлось перескочить через тело змеи; её голова направилась за ним и почти коснулась его.

Тэдди повернулся к дому и закричал:

– О, смотрите! Наш мангус убивает змею!

Почти тотчас же Рикки услышал испуганное восклицание матери Тэдди; отец мальчика выбежал в сад с палкой, но к тому времени, когда он подошёл к месту боя, карэт слишком вытянулась, Рикки-Тикки сделал прыжок, вскочил на спину змеи и,

прижав её голову своими передними лапами, укусил в спину, как можно ближе к голове, потом отскочил в сторону. Его укус парализовал карэт. Рикки-Тикки уже собирался приняться есть змею, по обычаю своего семейства, начиная с хвоста, как вдруг вспомнил, что сытый мангус неповоротлив и, что если он желает быть сильным, ловким и проворным, ему необходимо остаться голодным.

Он отошёл, чтобы выкупаться в пыли под кустами клещевины. В это время отец Тэдди колотил палкой мёртвую карэт.

«Зачем? – подумал Рикки-Тикки. – Я же покончил с ней!»

Мать Тэдди подняла мангуса из пыли и приласкала его, говоря, что он спас от смерти её сына; отец Тэдди заметил, что мангус – их счастье, а сам Тэдди смотрел на всех широко открытыми испуганными глазами. Эта суета забавляла Рикки-Тикки, который, понятно, не понимал её причины. Мать Тэдди могла бы с таким же успехом ласкать Тэдди за то, что он играл в пыли. Но Рикки-Тикки было весело.

В этот вечер за обедом мангус расхаживал взад и вперёд по столу и мог бы три раза всласть наестся всяких вкусных вещей, но он помнил о Наге и Нагене, и, хотя ему было очень приятно, когда мать Тэдди гладила и ласкала его, хотя ему нравилось сидеть на плече самого Тэдди, время от времени, его глазки вспыхивали красным огнём и раздавался его продолжительный боевой крик:

Рикк-тикк-тикки-тикки-тчк!

Тэдди отнёс его к себе в постель и хотел непременно уложить его под своим подбородком. Рикки-Тикки был слишком хорошо воспитан, чтобы укусить или оцарапать мальчика, но едва Тэдди заснул, мангус соскочил на пол, отправился осматривать дом и в темноте натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая кралась по стене.



Чучундра – маленький зверёк с разбитым сердцем. Целую ночь она хныкает и пищит, стараясь заставить себя выбежать на середину комнаты, но никогда не решается на это.

– Не убивай меня, – чуть не плача, попросила Чучундра. – Не убивай меня, Рикки-Тикки!

– Разве ты думаешь, что победитель змей убивает мускусных крыс? – презрительно сказал Рикки-Тикки.

– Тот, кто убивает змей, бывает убит змеями, – ещё печальнее произнесла Чучундра.
– И разве я могу быть уверена, что когда-нибудь в тёмную ночь Наг не примет меня за тебя?

– Этого нечего бояться, – сказал Рикки-Тикки, – кроме того, Наг в саду, а ты, я знаю, не выходишь туда.

– Моя родственница Чуа, крыса, сказала мне... – начала Чучундра и замолчала.

– Что сказала?

– Тсс! Наг повсюду, Рикки-Тикки. Тебе следовало бы поговорить в саду с крысой Чуа.

– Я не говорил с ней, значит, ты должна сказать мне всё. Скорее, Чучундра, не то я тебя укушу!

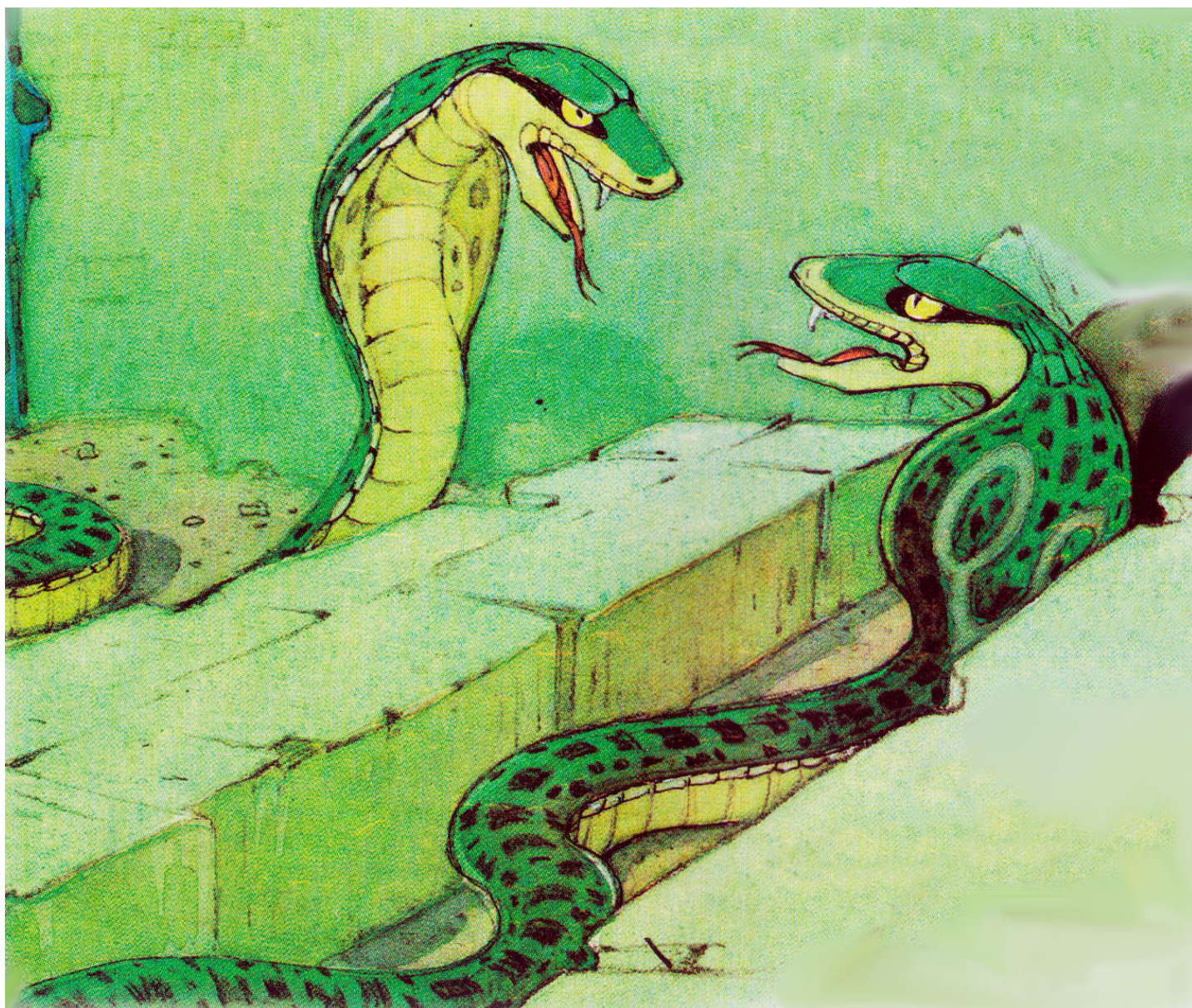
Чучундра села и заплакала; слёзы покатились по её усам.

– Я несчастна, – прорыдала она. – У меня нет мужества выбежать на середину комнаты. Тсс! Я не должна ничего тебе говорить. Разве ты сам не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки прислушался. В доме было тихо-тихо, однако ему казалось, что он может уловить невероятно слабый «скрип-скрип» – звук не сильнее скрипа лап осы, бродящей по оконному стеклу, – сухой скрип змеиной чешуи по кирпичам.

– Это Наг или Нагена, – мысленно сказал себе Рикки-Тикки, – и змея ползёт в сточный жёлоб ванной комнаты. Ты права, Чучундра, мне следовало поговорить с крысой Чуа.

Он тихо вошёл в ванную комнату Тэдди; там не было ничего; потом заглянул в ванную комнату матери мальчика. Здесь в гладкой оштукатуренной стене, внизу, был вынут кирпич для стока воды, и когда Рикки-Тикки крался мимо ванны, вмазанной в пол, он услышал, что за стеной, снаружи, Наг и Нагена шепчутся при свете месяца.



– Когда дом опустеет, – сказала мужу Нагена, – ему придётся уйти, и тогда мы снова всецело завладеем садом. Тихонько вползи и помни: прежде всего нужно укусить большого человека, который убил карэт. Потом вернись, расскажи мне всё, и мы вместе поохотимся на Рикки-Тикки.

– А уверена ли ты, что мы достигнем чего-нибудь, убив людей? – спросил Наг.

– Всего достигнем. Разве в саду были мангусы, когда никто не жил в бунгало? Пока дом пуст, мы в саду король и королева; и помни, едва на грядке с дынями лопнут яйца (а это может случиться завтра), нашим детям понадобится спокойствие и простор.

– Я не подумал об этом, – сказал Наг. – Я вползу, но нам незачем преследовать Рикки-Тикки. Я убью большого человека, его жену и ребёнка, если это будет возможно,

и вернусь. Бунгало опустеет, и Рикки-Тикки уйдёт сам.

Рикки-Тикки весь дрожал от ярости и ненависти, но вот из жёлоба показалась голова Нага, а потом и пять футов его холодного тела. Как ни был рассержен Рикки-Тикки, но увидав размер громадной кобры, он почувствовал страх. Наг свернулся, поднял свою голову и посмотрел в тёмную ванную комнату; Рикки заметил, что его глаза блестят.

– Если я убью его здесь, это узнает Нагена, кроме того, если я буду биться с ним посреди пола, вся выгода окажется на его стороне. Что мне делать? – подумал Рикки-Тикки-Тави.

Наг извивался в разные стороны, и скоро мангус услышал, что он пьёт из самого большого водяного кувшина, которым обыкновенно наполняли ванну.

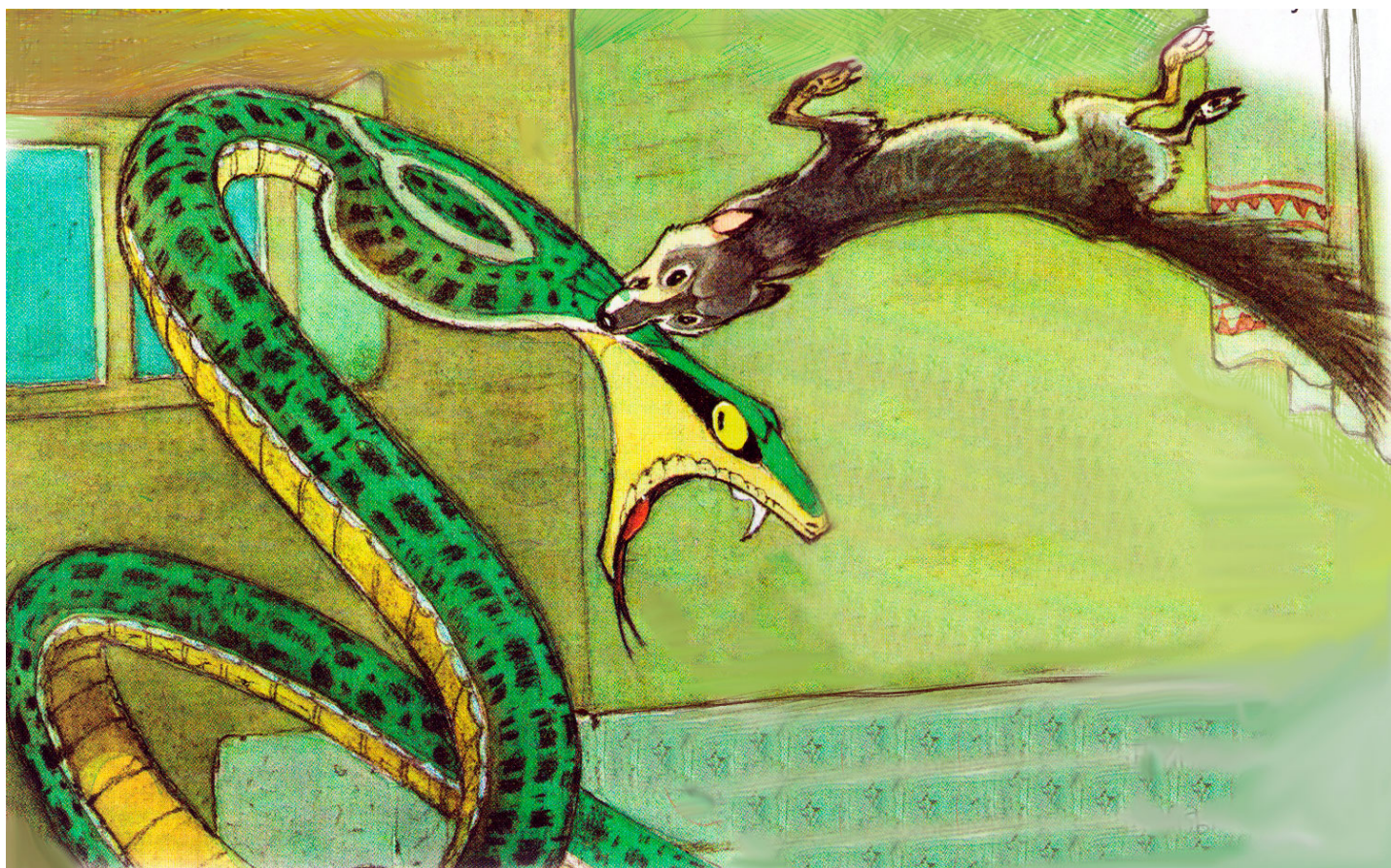
– Вот что, – сказал Наг, – большой человек убил карэт палкой. Может быть, эта палка всё ещё у него, но утром он придёт купаться без неё. Я дождусь его здесь. Нагена, ты слышишь? Я до утра буду ждать здесь, в холодке.

Снаружи не послышалось ответа, и Рикки-Тикки понял, что Нагена уползла. Наг принялся укладываться в большой кувшин, обвивая кольцами своего тела выпуклость на его дне, а Рикки-Тикки сидел тихо, как смерть. Прошёл час; мангус медленно, напрягая одну мышцу за другой, двинулся к кувшину. Наг спал, и глядя на его широкую спину, Рикки спрашивал себя, в каком месте лучше всего схватить кобру зубами. «Если при первом же прыжке я не переломлю ему хребта, – подумал Рикки, – он будет биться, а борьба с Нагом... О Рикки!»

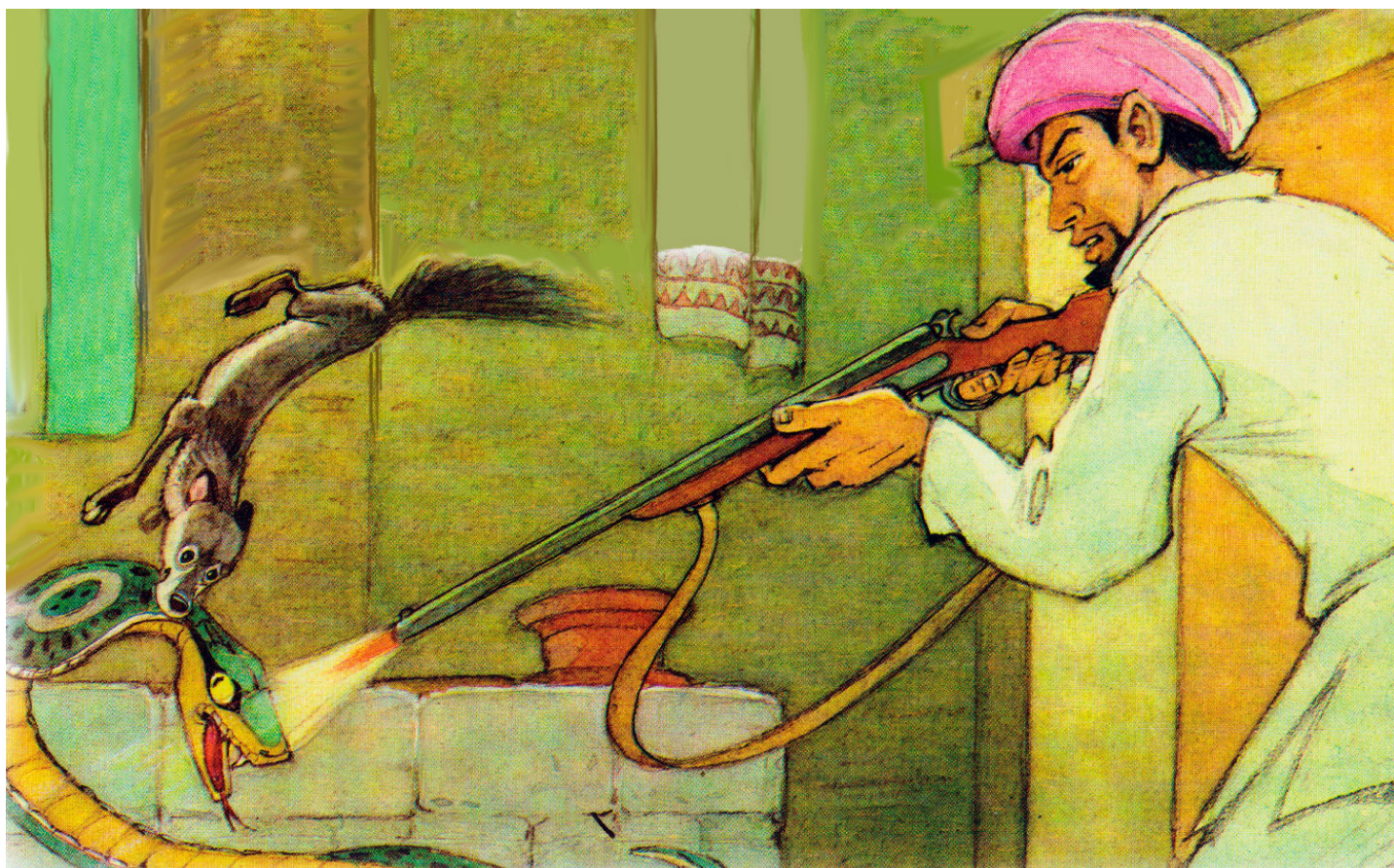
Он измерил взглядом толщину змеиной шеи, но она была слишком широка для него; укусив же кобру подле хвоста, он только привёл бы её в бешенство.

– Лучшее всего вцепиться в голову, – мысленно сказал он себе наконец, – в голову повыше капюшона; впустив же в Нага зубы, я не должен разжимать их.

Он прыгнул.



Голова змеи слегка выдавалась из водяного кувшина и лежала ниже его горлышка. Как только зубы Рикки сомкнулись, мангус упёрся спиной о выпуклость красного глиняного кувшина, чтобы удержать голову змеи. Это дало ему секунду выгоды, и он хорошо воспользовался ею. Но Наг тотчас же принялся трясти его, как собака трясёт крысу; таскал его взад и вперёд по полу, вскидывал, опускал, размахивал им, но глаза мангуса горели красным огнём и он не разжимал своих зубов. Змея волочила его по полу; жестяной коврик, мыльница, тельная щётка, всё разлетелось в разные стороны. Рикки ударился о цинковую стенку ванны и сильнее сжимал свои челюсти. Рикки ради чести своей семьи желал, чтобы его нашли с сомкнутыми зубами. Голова у него кружилась. Вдруг раздалось что-то вроде громового удара; ему представилось, будто он разлетается на куски; горячий воздух обдал его, и он лишился чувств; красный огонь опалил его шёрстку. Шум разбудил большого человека, и он выстрелил из обоих стволов своего ружья в голову Нага, выше расширения шеи кобры.



Рикки-Тикки не открывал глаз; он был вполне уверен, что его убили; но змеиная голова не двигалась и, подняв зверька, англичанин сказал:

– Это опять мангус, Элис; малыш спас теперь наши жизни.

Пришла мать Тэдди совсем бледная, посмотрела и увидела то, что осталось от Нага. Между тем Рикки-Тикки проковылял в спальню Тэдди и половину оставшейся ночи тихонько обследовал себя, чтобы узнать, действительно ли, как ему казалось, его кости переломаны в сорока местах.

Утром он почувствовал утомление во всём теле, но был очень доволен тем, что ему удалось совершить.

– Теперь мне следует разделаться с Нагеной, хотя она будет опаснее пяти Нагов; кроме того, никто не знает, когда лопнут яйца, о которых она упоминала. Да, да, я должен поговорить с Дарси, – сказал себе мангус.

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к терновому кусту, где Дарси во весь голос распевал торжествующую песню. Известие о смерти Нага разошлось по саду,

потому что уборщик бросил его тело на кучу мусора.



– Ах ты, глупый пучок перьев! – сердито сказал Рикки-Тикки. – Время ли теперь петь?

– Наг умер, умер, умер! – пел Дарси. – Храбрый Рикки-Тикки схватил его за голову и крепко сжал её. Большой человек принёс гремучую палку, и Наг распался на две части. Никогда больше не будет он поедать моих птенцов.

– Всё это верно, но где Нагена? – внимательно осматриваясь, спросил Рикки-Тикки.

– Нагена приблизилась к отводному жёлобу ванной комнаты я позвала Нага, – продолжал Дарси. – И Наг появился на конце палки; уборщик проколол его концом палки и бросил на мусорную кучу. Воспоём же великого, красноглазого Рикки-Тикки!

Горлышко Дарси надулось, и он продолжал петь.

– Если бы только я мог добраться до твоего гнёзда, я вышвырнул бы оттуда всех твоих детей, – сказал Рикки-Тикки. – Ты не умеешь ничего делать в своё время. В

*твоём гнезде тебе не грозит опасность, но здесь, внизу, у меня идёт война. Погоди
петь минутку, Дарси.*

*– Ради великого, ради прекрасного Рикки-Тикки я замолчу, – сказал Дарси. – Что тебе
угодно, о победитель страшного Нага?*

– Где Нагена, в третий раз спрашиваю тебя?

*– На мусорной гряде, подле конюшни; она оплакивает Нага! Великий Рикки-Тикки с
белыми зубами!*

– Брось ты мои белые зубы. Слышал ли ты, где её яйца?

*– На ближайшем к ограде конце дынной гряды; там, куда почти целый день светит
солнце. Несколько недель тому назад она зарыла их в этом месте.*

– А ты не подумал сказать мне о них? Так, значит, подле стены?

– Но ты же не съешь её яйца, Рикки-Тикки?

*– Не могу сказать, чтобы я собирался именно съесть их; нет. Дарси, если у тебя есть
хоть капля ума в голове, лети к конюшне, притворись, будто у тебя сломано крыло, и
пусть Нагена гонится за тобой вплоть до этого куста. Я должен пройти к дынной
гряде, но если я побегу туда теперь, она заметит меня.*

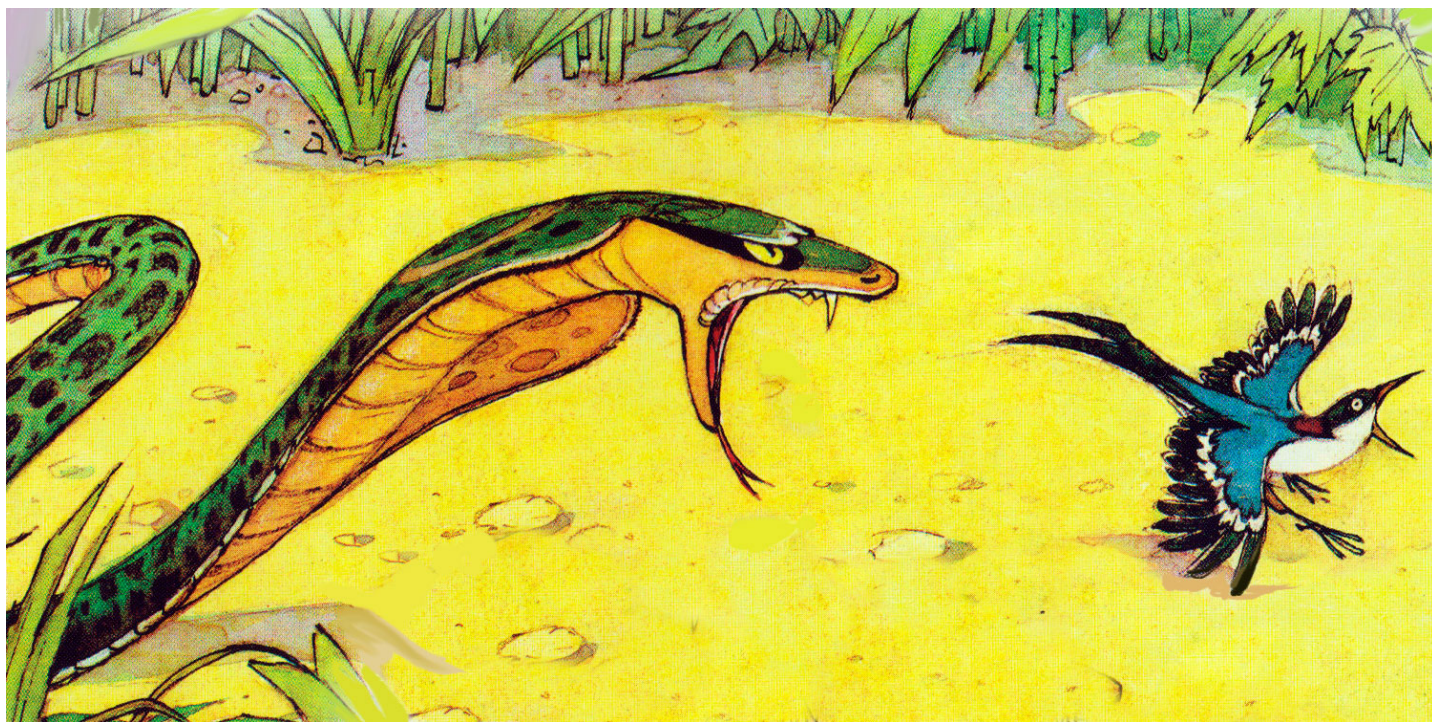
*Дарси был маленьким созданием с птичьим мозгом, в котором никогда не
помещается больше одной мысли сразу; только потому, что дети Нагены рождались
в яйцах, как его собственные, ему показалось, что убивать их нечестно. Зато его
жена была благоразумной птичкой и знала, что яйца кобры предвещают появление
молодых кобр. Итак, она вылетела из гнёзда, предоставив Дарси согреть птенцов
и продолжать воспевать смерть Нага. В некоторых отношениях Дарси очень
напоминал человека.*

Птичка стала перепархивать перед Нагеной подле кучи мусора, крича:

– Ах, моё крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камнем и перебил его. – И она запорхала ещё отчаяннее прежнего.

Нагена подняла голову и прошипела:

– Ты предупредила Рикки-Тикки, когда я могла убить его. Поистине ты выбрала дурное место ковылять. – И, скользя по слою пыли, кобра двинулась к жене Дарси.



– Мальчик камнем перебил моё крыло! – выкрикнула птица Дарси.

– Ну, может быть, для тебя послужит утешением, если я скажу, что когда ты умрёшь, я сведу счёты с этим мальчиком. Теперь утро, и мой муж лежит на груде мусора, а раньше, чем наступит ночь, мальчик будет неподвижно лежать в доме. Зачем ты убегаешь? Я всё равно тебя поймаю. Дурочка, посмотри на меня.

Но жена Дарси отлично знала, что «этого» делать не нужно, потому что, взглянув в глаза змеи, птица так пугается, что теряет способность двигаться. С грустным писком жена Дарси продолжала трепетать крыльями и убежать, не поднимаясь от земли. Нагена поползла быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они двигаются по дорожке от конюшни и помчался к ближайшему от ограды концу дынной гряды. Там, на горячем удобрении и очень

хитро скрытые между дынями, лежали змеиные яйца, всего двадцать пять штук, размером вроде яиц бенгальских (порода кур), но с беловатой кожистой оболочкой, а не в скорлупе.

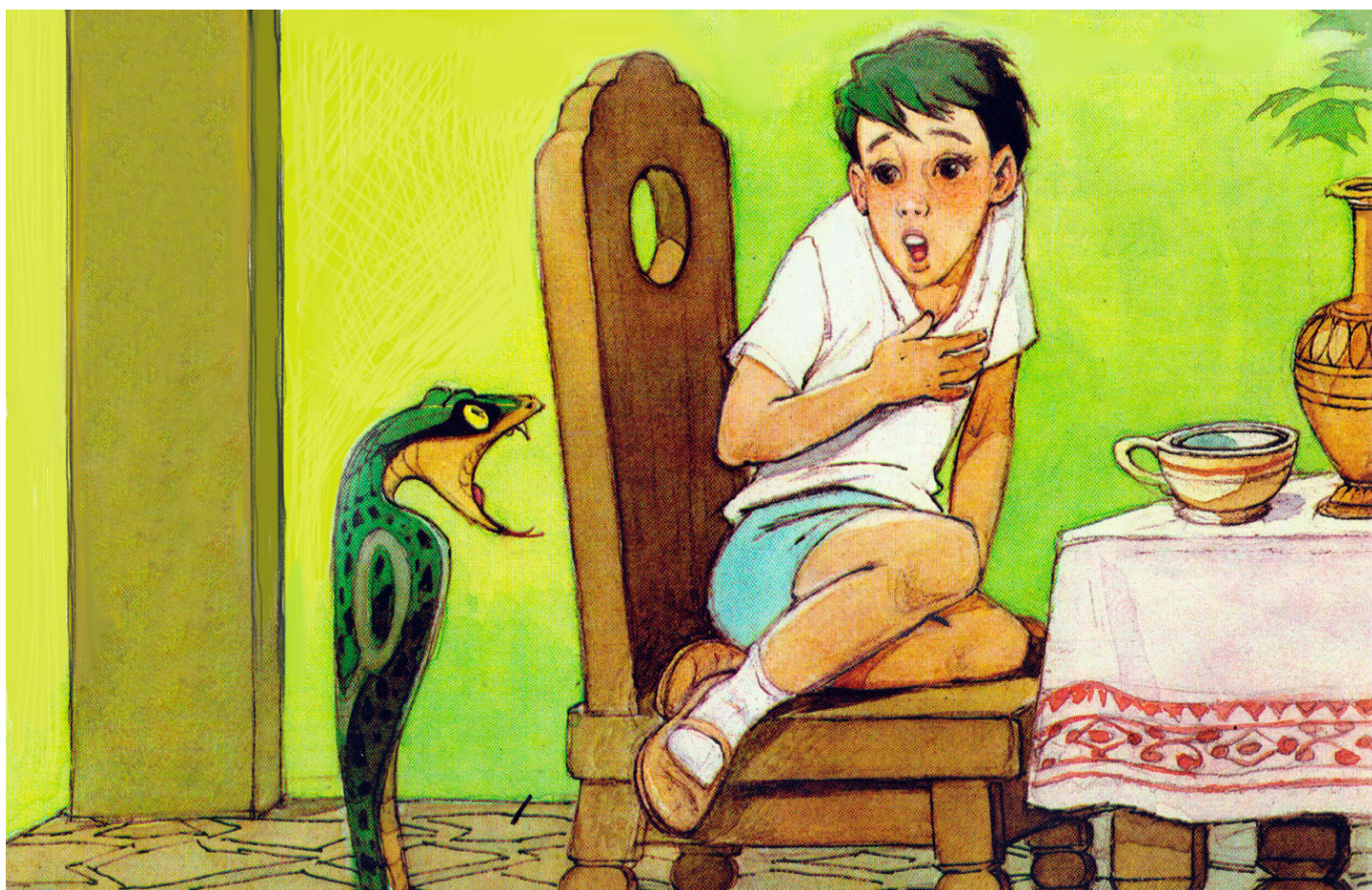


– Я не пришёл раньше времени, – подумал Рикки. Сквозь кожистую оболочку он разглядел внутри яиц свернувшихся детёнышей кобры, а ему было известно, что каждый, едва вылупившийся змеёныш может убить человека или мангуса. Он как можно быстрее надкусил верхушки яиц, не забыв старательно раздавить маленьких кобр. Время от времени мангус смотрел, не пропустил ли он хоть одного яйца. Вот осталось только три, и Рикки-Тикки стал уже посмеиваться про себя, как вдруг до него долетел крик жены Дарси!

– Рикки-Тикки, я увела Нагену к дому, она вползла на веранду... О, скорее, она хочет убивать!

Рикки-Тикки раздавил два яйца, скатился с гряды и, захватив третье в рот, побежал к веранде, очень быстро перебирая ногами. Там за ранним завтраком сидели Тэдди, его отец и мать, но Рикки-Тикки сразу увидел, что они ничего не едят. Они не двигались, как каменные, и их лица побелели. На циновке, подле стула Тэдди, лежала свернувшаяся Нагана, и её голова была на таком расстоянии, что она ежеминутно

могла укусить голую ножку мальчика. Кобра покачивалась взад и вперед и пела торжествующую песню.



– Сын большого человека, убившего Нага, – шипела она, – не двигайся! Я ещё не готова. Погоди немножко. Не двигайтесь все вы трое. Если вы пошевелитесь, я укушу; если вы не пошевелитесь, я тоже укушу. О, глупые люди, которые убили моего Нага!

Тэдди не спускал глаз с отца, а его отец мог только шептать:

– Сиди неподвижно, Тэдди. Ты не должен шевелиться. Тэдди, не шевелись!

Рикки-Тикки поднялся на веранду:

– Повернись, Нагена, повернись и начни бой.

– Всё в своё время, – ответила кобра, не спуская глаз с Тэдди. – Я скоро сведу мои счёты с тобой. Смотри на своих друзей, Рикки-Тикки. Они не двигаются; они совсем белые; они боятся. Пошевелиться люди не смеют, и если ты сделаешь ещё один шаг, я

укушу.

– Посмотри на твои яйца, – сказал Рикки-Тикки, – там на дынной гряде, подле ограды! Проползи туда и взгляни на них, Нагена.

Большая змея сделала пол-оборота и увидела своё яйцо на веранде.

– Аа-х! Отдай мне его! – сказала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами; его глаза были красны, как кровь.

– Сколько дают за змеиное яйцо? За молодую кобру? За молодую королевскую кобру? За последнюю, за самую последнюю из всего выводка? Там, на дынной гряде, муравьи поедают остальных.

Нагена повернулась совсем; она всё забыла ради своего единственного яйца, и Рикки-Тикки увидел, что отец Тэдди протянул свою большую руку, схватил Тэдди за плечо, протащил его через маленький стол с чайными чашками, так что мальчик очутился в безопасности и вне досягаемости Нагены.

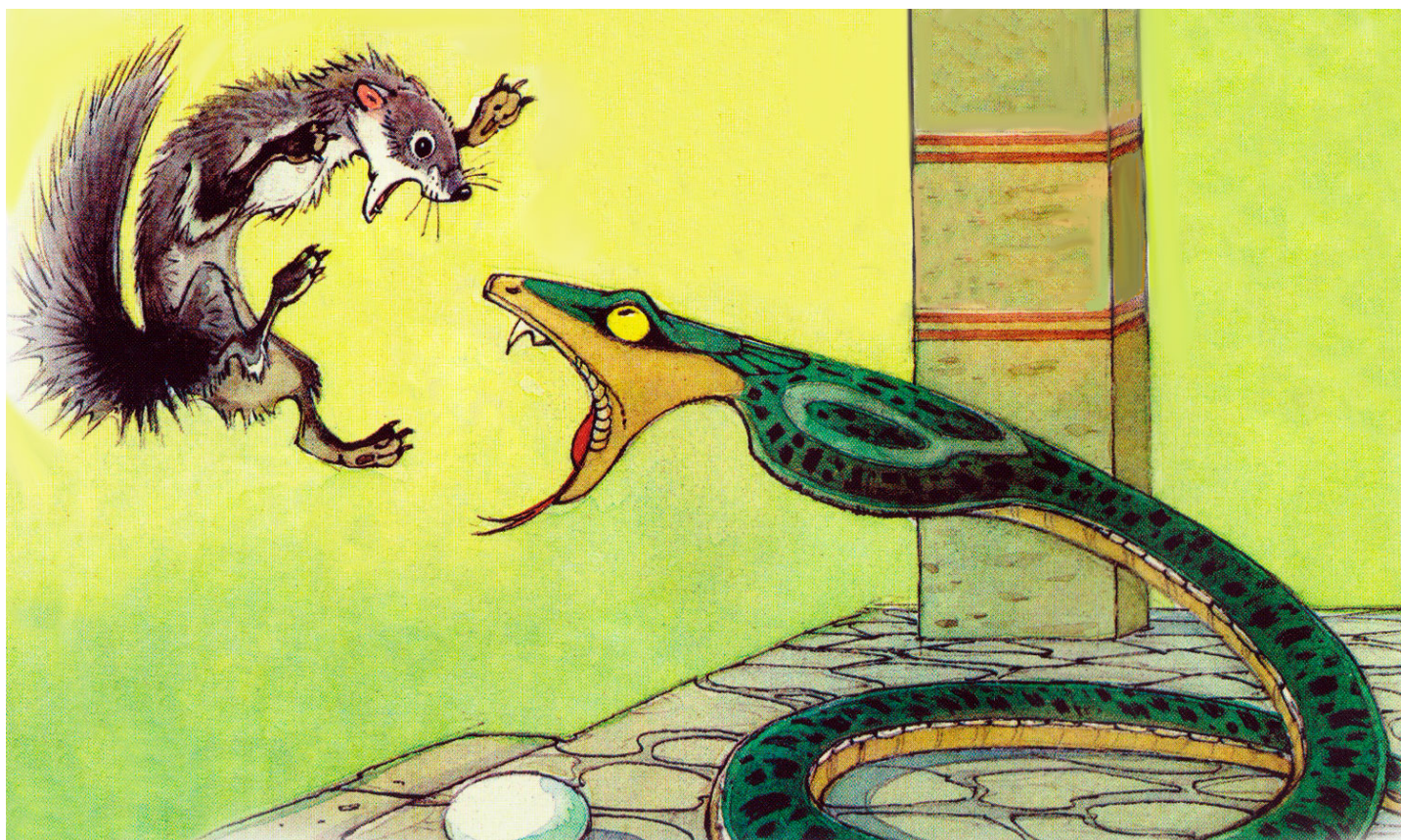
– Обманута, обманута, обманута, рикки-тчк-тчк! – засмеялся Рикки-тикки. – Мальчик спасён, и это я, я, я ночью поймал Нага в ванной комнате. – И мангус принялся прыгать на всех своих четырёх лапах сразу, опустив голову к полу. – Наг кидал меня во все стороны, но не мог стряхнуть с себя. Он умер раньше, чем большой человек разбил его на две части. Я сделал это. Рикки-тикки, тчк-тчк! Иди же, Нагена, скорее дерись со мной. Недолго будешь ты вдовой.

Нагена поняла, что она потеряла удобный случай убить Тэдди! К тому же её яйцо лежало между лапками мангуса.

– Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки, отдай мне последнее из моих яиц, и я уйду отсюда и никогда не вернусь, – сказала она, и её шея сузилась.

– Да, ты исчезнешь и никогда не вернёшься, потому что отправишься на грудку мусора, к Нагу. Дерись, вдова! Большой человек пошёл за своим ружьём. Дерись!

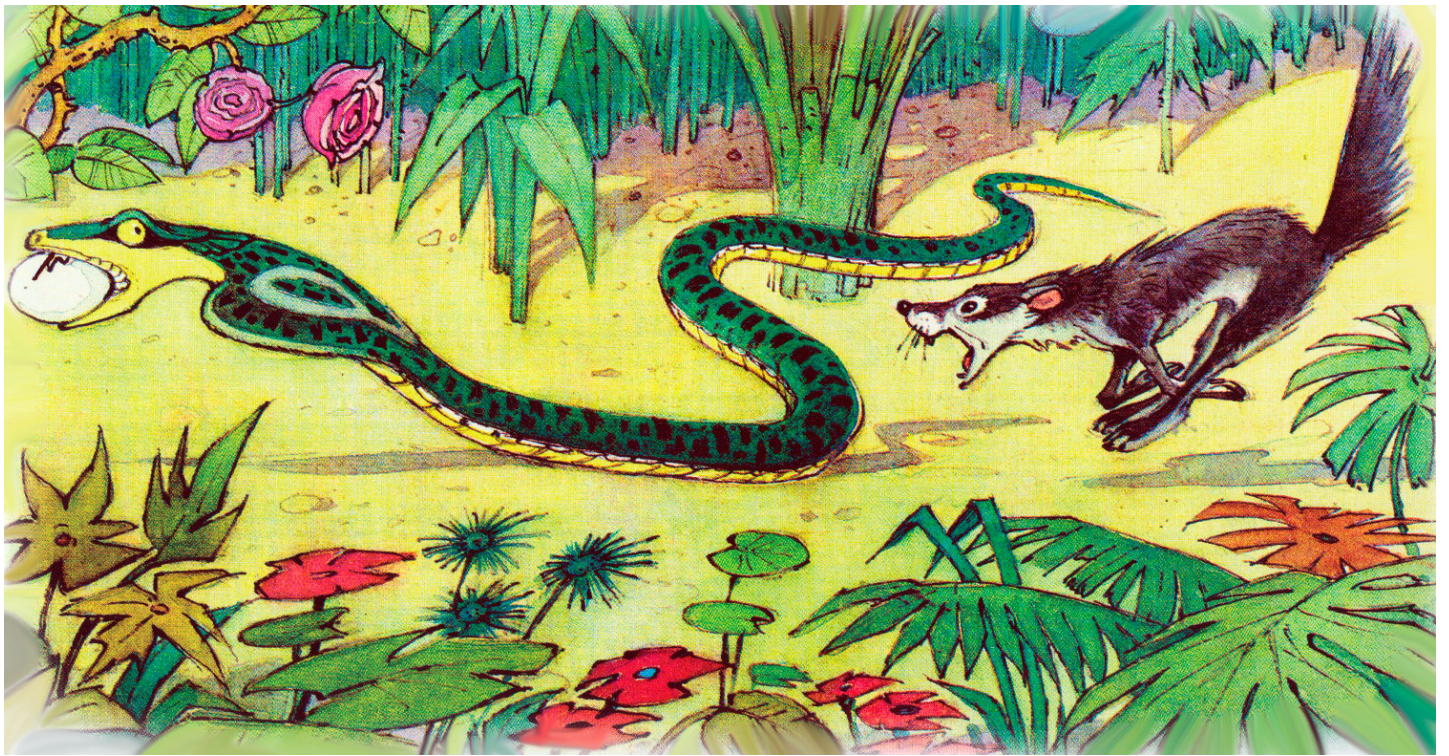
Глазки Рикки-Тикки походили на раскалённые угли, и он прыгал кругом Нагены, держась на таком расстоянии, чтобы она не могла укусить его. Нагена сжалась и сделала прыжок вперёд. Рикки-Тикки подскочил в воздух и отпрыгнул от неё; кобра кинулась снова, опять и опять.



Её голова каждый раз со стуком падала на маты веранды, и змея свёртывалась, как часовая пружина. Наконец, Рикки-Тикки стал, прыгая, описывать круги, в надежде очутиться позади змеи, и Нагена извивалась, стараясь держать свою голову против его головы, и шорох её хвоста по циновке походил на шелест сухих листьев, которые гонит ветер.

Мангус забыл о яйце. Оно всё ещё лежало на веранде, и Нагена приближалась и приближалась к нему. И вот, в ту секунду, когда Рикки-Тикки приостановился, чтобы перевести дух, кобра схватила своё яйцо в рот, повернулась к лестнице, спустилась с веранды и, как стрела, полетела по дорожке; Рикки-Тикки помчался за ней. Когда кобра спасает свою жизнь, она двигается, как ремень бича, изгибами

падающий на шею лошади.



Рикки-Тикки знал, что он должен поймать её, так как в противном случае всё начнётся сызнова. Нагена направлялась к высокой траве подле терновника и, мчась вслед за ней, Рикки-Тикки услышал, что Дарси всё ещё распекает свою глупую триумфальную песенку. Жена Дарси была умнее своего мужа. Когда Нагена проносилась мимо её гнезда, она вылетела из него и захлопала крыльями над головой кобры. Если бы Дарси помог своей подруге и Рикки, они могли бы заставить её повернуться, но теперь Нагена только сузила шею и скользнула дальше. Тем не менее короткая остановка дала возможность Рикки подбежать к ней ближе и, когда кобра опустилась в нору, составлявшую их жилище с Нагом, его белые зубы схватили её за хвост, и он вместе с ней спустился под землю, хотя очень немногие мангусы, даже самые умные и старые, решаются бросаться за змеей в её дом. В норе было темно, и Рикки-Тикки не знал, где подземный ход может расшириться и дать возможность Нагене повернуться и укусить его. Он изо всех сил держался за её хвост, расставляя свои маленькие ножки, чтобы они служили тормозом, упираясь в чёрный, горячий, влажный земляной откос.

Трава близ входа в нору перестала качаться, и Дарси заметил:

– Для Рикки-Тикки всё окончено. Мы должны спеть песню в честь его смерти. Отважный Рикки-Тикки умер! Конечно, Нагена убила его под землёй.

И он запел очень печальную песню, которую сложил, вдохновлённый данной минутой, но как раз когда певец дошёл до самой её трогательной части, трава снова зашевелилась и показался весь покрытый грязью Рикки-Тикки; шаг за шагом, едва переступая ногами, он вышел из норы и облизнул свои усы. Дарси замолчал с лёгким восклицанием. Рикки-Тикки потрянул со своей шёрстки часть пыли и чихнул.

– Всё кончено, – сказал он. – Вдова никогда больше не выйдет наружу.



Красные муравьи, которые живут между стеблями трав, услышали его замечание, засуетились и один за другим отправились смотреть, правду ли сказал он.

Рикки-Тикки свернулся в траве и заснул. Он спал до конца дня; в этот день мангус хорошо поработал.

– Теперь, – проснувшись проговорил зверёк, – я вернусь в дом; ты, Дарси, скажи о случившемся птице Меднику, он же по всему саду разгласит о смерти Нагены.

Медник – птичка, крик которой напоминает удары маленького молотка по медной чашке; он кричит так потому, что служит глашатаям каждого сада в Индии и сообщает вести всем желающим слушать. Когда Рикки-Тикки двинулся по дорожке, он услышал его крик, обозначающий «внимание», и напоминающий звон крошечного обеденного гонга. После этого раздалось: «Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагена умерла! Динг-донг-ток». И вот все птицы в саду запели, все лягушки принялись квакать; ведь Наг и Нагена поедали не только птичек, но и лягушек.

Когда Рикки подошёл к дому, к нему навстречу вышли Тэдди, мать Тэдди (она всё ещё была бледна, так как только что оправилась от обморока) и отец Тэдди; они чуть не плакали над мангустом. Вечером он ел всё, что ему давали, пока мог есть, и улёгся спать на плече Тэдди; когда же мать мальчика поздно ночью пришла взглянуть на своего сына, она увидела Рикки.



– Он спас нам жизнь и спас Тэдди, – сказала она своему мужу. – Только подумай; он всех нас избавил от смерти.

Рикки-Тикки внезапно проснулся: мангусы спят очень чутким сном.

– О, это вы, – сказал он. – Чего вы хлопчете? Все кобры убиты; а если бы и не так, я здесь.

Рикки-Тикки мог гордиться; однако он не слишком возгордился и охранял сад, как и подобало мангусу, – зубами и прыжками; и ни одна кобра не решалась больше показываться за садовой оградой.

Сказки на <https://fairytales.site/>